

В последние годы в России активно обсуждается идея (или проект) так называемого «русского мира» как одного из факторов интеграции на постсоветском пространстве. Она несомненно интересна. Однако, яв-

¹ Директор Института археологии Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. 25 книг: «Исторична топографія стародавнього Києва» («Историческая топография древнего Киева»), «Древний Киев», «Древнерусский феодальный город», «Історичні портрети» («Исторические портреты»), «Літописи Київської Русі» («Летописи Киевской Руси»), «Володимир Святий — Ярослав Мудрий» («Владимир Святой — Ярослав Мудрый»), «Від Русі до України» («От Руси к Украине»), «Древнерусская народность: воображаемая или реальная» и др. Председатель Украинского общества охраны памятников истории и культуры, член Академии Европы (Лондон), член-корреспондент Центрального немецкого института археологии, член Международного союза славянской археологии. Лауреат Государственной премии УССР в сфере науки и техники, Государственной премии Украины, премии Национальной академии наук Украины им. М. С. Грушевского.

П. П. Толочко¹

«РУССКИЙ МИР» И УКРАИНА

ляясь тематически порубежной, требует не столько романтической декларативности, способной оттолкнуть от нее потенциальных сторонников, сколько научной обоснованности, прежде всего в содержательном наполнении.

Предполагаемое или мыслимое интегрированное пространство «русского мира» не должно ассоциироваться с единым государственно-политическим образованием, напоминающим то, что у нас уже было. Следует учитывать мощную инерционность постсоветских властных элит, буквально заикленных на идеях национальной идентичности и государственной суверенности. И хотя эти приоритеты в эпоху глобализации выглядят несколько архаичными, к тому же не принесшими народам, составлявшим многие сотни лет единый социально-экономический и культурно-исторический организм, лучшей альтернативы развития, политиче-

ские (они же и экономические) элиты постсоветских стран ревностно оберегают свой обретенный статус.

Больше эта ситуация мне знакома по Украине. У нас даже невинный намек на возможность восстановления порушенного единства, идущий от России, вызывает энергичное неприятие, а нередко и раздражение, сопровождаемое проклятиями нашего общего исторического прошлого, в котором Украина представляется не как полноправный субъект государственно-политического развития Российской империи и Советского Союза, а как колония, вечно притесняемая и унижаемая Москвой.

Особый всплеск этнонациональных патриотических эмоций вызвала на Украине, в частности, речь Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на Ассамблее «Русского мира» 3 ноября 2009 года. Наделив слова святейшего исключительно политическим смыслом и подменив, таким образом, их содержательный смысл, украинские этнопатриоты принялись энергично развенчивать не то, что сказал патриарх, а то, что будто бы он имел в виду. А в виду он имел, как им кажется, возвращение Украины к ее прежнему колониальному статусу.

Конечно, ничего подобного в патриаршей речи не содержалось. И вряд ли именно так она была воспринята большинством украинской православной паствы. В ней представлено духовное и философское осмысление православной цивилизационной общности. Она действительно создавалась общими усилиями трех восточнославянских народов, а изначально их общим этническим предшественником — древнерусским народом. Не может быть и малейшего сомнения в том, что эта цивилизация является общим достоянием русских, украинцев и белорусов.

Будучи хранителем древних духовных традиций, Русская православная церковь и ее предстоятель проявляют совершенно понятный и естественный интерес к нынешнему их положению. И забота здесь не только о церковном единстве, имеющем тысячелетнюю историю и освященном подвигом наших православных подвижников, что, разумеется, чрезвычайно важно, но и о единстве культурном, которое создавалось общими усилиями восточнославянских народов.

Все три восточнославянских народа, выросшие из единого этнического корня, имеют во многом общую последнедревнерусскую историю, родственные культуры, близкие языки. Даже при большом желании невозможно без нравственного урона для русских, украинцев и белорусов разделить их общее культурное наследие, как и деятелей, его создававших. Известно, как много выходцев из Украины приняло участие в формировании русской культуры в имперское и советское время. Причем их интеграция в общерусский культурный поток была столь естественной и органичной, а вклад — настолько велик, что было бы оскорблением их памяти не признавать сегодня это нашим общим (с русскими) достоянием.

К сожалению, после распада единой страны и образования трех суверенных восточнославянских государств чувство их исторической и культурной общности стало ослабевать. Нередко даже и отрицаться.

Причем не только в Украине или Белоруссии, что имело место и ранее, но и в России, что является неожиданной новацией. Особенно это коснулось древнерусских истоков. В каждой из стран озаботились поиском собственной, отличной от других этнополитической и даже культурной идентичности. На Украине реанимировали старую теорию об исключительно украинской основе Киевской Руси. В Белоруссии определилась тенденция начинать собственное этнополитическое самостояние с Полоцкого княжества. В России принялись искать свою первую столицу и, разумеется, на своей суверенной территории.

Решили даже отмечать 1150-летний юбилей российской государственности, не сообразуясь с тем, что ей столько же лет, сколько украинской и белорусской, и можно было отметить это событие вместе. Так, как это было сделано в 1862 году. И хотя в царском указе говорилось о тысячелетии России, событие это, несомненно, мыслилось как общевосточнославянское. Неоспоримым свидетельством этого является памятник «Тысячелетие России», установленный в Великом Новгороде. Его скульптурные и горельефные композиции отразили отечественную тысячелетнюю историю во всей ее полноте. На фризе нижней части монумента представлены горельефы 109 исторических деятелей — начиная с середины IX до середины XIX века. Среди них — государственные и культурные деятели Киевской Руси, а также славнейшие представители русского, малорусского (украинского) и белорусского народов.

Остается только жалеть, что юбилей 1150-летия российской государственности не станет общевосточнославянским событием и не послужит делу утверждения чувства исторического единства трех братских народов.

Трудно понять, как нынешняя тенденция поиска своей генетической отдельности, совершенно несостоятельная в научном отношении, уживается в России с идеей единого «русского мира». Ведь в основе своей она является ее антитезой. Лучше всего, как мне кажется, это понимает Русская православная церковь, которая через патриарха Кирилла неустанно напоминает всем нам, что «русский мир» был рожден в днепровской купели.

Но отчего же тогда эта идея не находит всевосточнославянского понимания и поддержки? Особенно яростное неприятие она встречает на Украине. В чем причина этого? Я много лет занимаюсь проблемой этнического развития в эпоху Киевской Руси и уже давно пришел к выводу, что в основе прошлого историографического, а теперь и политологического непонимания и предубеждения в значительной мере лежит терминологическая неопределенность. Была Киевская (Древняя) Русь и есть нынешняя Россия. В отношении обеих названий используется единое прилагательное — **русский**. Хотя определение «русский», отсылающее к слову «Русь», совсем не тождественно определению «русский», соотносящемуся со словом «Россия».

В 2005 году, публикуя книгу «Древнерусская народность», я предложил писать прилагательное, образованное от слова «Русь», с одним «с». Это не соответ-

ствуется грамматической норме современного русского языка, но в большей степени отвечает древнерусскому правописанию. Как правило, все слова, производные от названия «Русь», в летописи написаны с одной буквой «с»: «Руская земля», «страна руская», «род русский», «люди руские», «летописец русский», «закон русский», «князья руские», «русские полки» и т. д. В тех случаях, когда в названных прилагательных употреблено две буквы «с», они всегда разделены мягким знаком: «русские».

Такое терминологическое различие чрезвычайно важно во избежание понятийной двусмысленности, как это и имело место в случае с ассамблейной речью патриарха Кирилла. Дипломированные украинские историки Ю. Черноморец и С. Сидоренко, переведя выражение «русский мир» как «российский», обвинили патриарха в том, что он не способен по-настоящему признать особость украинцев и белорусов и не понимает, сколь сильно можно оттолкнуть и оскорбить их этим утверждением.

Конечно, это слишком вольное толкование содержания патриаршей речи. В ней все-таки говорилось не о «российском мире», но о «русском» — мире православной восточнославянской идентичности, начало которому было положено еще в эпоху Киевской Руси, когда не было ни украинцев, ни русских, ни белорусов, а был единый «древнерусский» народ и единый «русский» мир.

Безосновательность обвинений в непризнании патриархом особости украинцев или белорусов хорошо иллюстрируется его призывом развивать украинскую и белорусскую культуры и их языки, которые суть составные части единого «русского» (но не **российского!**) мира.

Во избежание такой терминологической двусмысленности, когда реально существуют как бы два «русских мира» (нынешний российский и традиционный цивилизационный «русский»), думается, было бы целесообразно ввести понятие более нейтральное, но более точное — «**восточнославянский православный мир**». Оно вполне могло бы рассматриваться в качестве синонима определению «**русский мир**».

Конечно, восточнославянский православный мир представляет собой особую цивилизационную общность. Не признавать этого просто невозможно. И безусловно, в наше глобализованное время она подвергается испытаниям на прочность. Здесь можно вспомнить непрестанные заявления представителей украинской

политической элиты о том, что интеграция в западно-европейское сообщество для Украины является судьбоносным цивилизационным выбором. В украинском общественном мнении постоянно муссируется провокационная мысль, что наше технологическое отставание от цивилизованного Запада объясняется меньшими структурообразующими возможностями православия по сравнению с католицизмом и протестантизмом. Раздаются даже голоса, что если бы Владимир Великий принял христианство не из Константинополя, а из Рима, то Украина находилась бы сегодня на том уровне развития, что и Запад.

Справедливости ради следует признать, что понимание содержания «русского мира», демонстрируемое Русской православной церковью, далеко не всегда разделяется или совпадает с тем, как оно трактуется в официальной российской пропаганде. Судя по декларациям чиновников, занятых в этом проекте, «русский мир» для них не сопрягается с нынешними украинцами или белорусами. Речь идет, как правило, об этнических русских, которые, особенно после развала Советского Союза, оказались в других государствах. Именно их и призван объединять проект «русский мир».

К сожалению, и здесь не обходится без терминологической путаницы. Этнические русские, проживающие вне границ России, почему-то именуются соотечественниками. Это, мягко говоря, некорректное определение. Оно порождает сомнения в признании их нынешнего государственного статуса: хотя и проживают на Украине, но являются соотечественниками России. А кем же тогда они приходятся украинцам? И разве они проживают не в одном с ними Отечестве? Определенно, слово «соотечественники» нуждается в уточнении, которое может быть выражено прилагательными «бывшие» или «исторические».

Из вышесказанного следует, что понятие «русский мир» не стало на Украине идеей, к которой оно могло бы быть причастно, в значительной мере из-за теоретической аморфности в определении его главной цели, а также неадекватных усилий по реализации. Вольно или невольно эти усилия сводятся российскими культурными центрами на Украине к акциям не общевосточнославянского звучания, но российского, по существу, к популяризации истории и культуры России. Разумеется, это тоже важно. Однако недостаточно для реализации продуктивной цивилизационной задачи, получившей название «русского мира».